

текст Угримов. – На этом квасе, что только не было замешано!» (619). Между тем в окончательном варианте инаугурационного текста от «окрошки» не остается и следа. О чертах русской традиционности свидетельствуют лишь любовно взращенные и посеянные писателем в тексте языковые зерна народной мудрости – он трижды приводит пословицы на страницах своей нобелианы.

Исследователи подмечают, что слово Солженицына теперь сближается по экспрессии с поэтическим словом. Его речь уже напоминает «язык богов», «жреческий язык поэзии». «Это – “изображающее слово”, – констатирует А. Г. Степанов. – Высокая риторичность текста и стилистическая осложненность рождает ощущение архаичного и одновременно провиденциального языка, предназначенного для выражения небытовой семантики. Солженицын создает текст очень высокой языковой плотности. Авторская мысль передается в “избыточной” художественной форме, которая не служит декоративным довеском логизированного рассуждения, а сама демонстрирует иррациональную, непредсказуемую сущность искусства»²². Говоря о поэтике «Нобелевской лекции», ученый отмечает, что Солженицын «с первых строк создает плотную фигуративную дискурсию. Текст наполняется развернутыми сравнениями и метафорами, риторическими вопросами, антитезами, инверсиями, повторами, создающими коннотативные пучки в семантическом варьировании мысли»²³.

Завершая спор с писателем, Угримов пишет: «Простите, что из напильника, которым я, видимо, должен быть, я превратился в терку» (619). Но, думается, благодаря в том числе и этой «тёрке» великий писатель снял шероховатости и зацепы текста. «Ошеломленный культурный мир увидит, каким обожженным, каким обокраденным, каким даже растерянным вышел советский человек из горнила и вместе с тем с какой невероятной душевной, духовной силой, с каким удивительным, могучим талантом»²⁴. Именно с таким могучим талантом и пронзительным призывом жить не по лжи прозвучала на весь мир «Нобелевская лекция» Солженицына.

УДК 821.161.1.09+929 Шаламов

«ПРАВЕДНОЕ СЛОВО» БОРИСА ШЕРГИНА

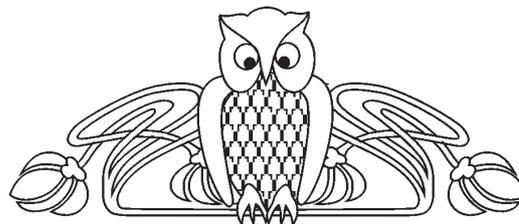
С. В. Кекова, Р. Р. Измайлов

Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова
E-mail: kekova@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности стиля дневников Б. В. Шергина, который сумел сохранить органический синтез живого народного, литературного и церковнославянского языков, позволяющий выявить подлинную «внутрен-

Примечания

- ¹ Солженицын А. Избранное. М., 1991. С. 67.
- ² См.: Гуцин Ю., Мусихина А. «Нобелевская лекция» А. И. Солженицына (История создания, проблемно-тематические и жанрово-стилистические особенности). URL://http://nobel-centre.com/page/9-konferenciya-sentyabr-27-29-2010 (дата обращения: 27.10.2013); Островский А. Прощание с мифом. М., 2006; Степанов А. Нобелевская лекция Солженицына и Бродского: к поэтике декларативного дискурса // Вестн. ТвГУ. Сер. : Филология (10). 2007. С. 122–129.
- ³ Солженицын А. Бодался телёнок с дубом: очерки литературной жизни. М., 1996. С. 68.
- ⁴ Там же. С. 71.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Солженицын А. Избранное. С. 339.
- ⁷ Островский А. Указ. соч. С. 249.
- ⁸ Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. С. 69.
- ⁹ См.: Солженицын А. Всероссийскому Патриарху Пимену // Солженицын А. Публицистика: в 3 т. Т. 1. Ярославль, 1995. С. 133–137.
- ¹⁰ См.: Островский А. Указ. соч. С. 250.
- ¹¹ Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. С. 71.
- ¹² Там же. С. 495.
- ¹³ Подробнее см.: Варфоломеев Ю. «Ответственный Хранитель»: А. А. Угримов – друг, оппонент и тайный помощник А. И. Солженицына // А. И. Солженицын и русская культура: сб. науч. тр. Вып. 3 / отв. ред. и сост. проф. Л. Е. Герасимова. Саратов, 2009. С. 71–76.
- ¹⁴ Угримов А. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. М., 2004. С. 617. Далее ссылки в тексте даются на это издание с указанием страниц в скобках.
- ¹⁵ Степанов А. Указ. соч. С. 125.
- ¹⁶ Солженицын А. Публицистика. Т.1. С. 15.
- ¹⁷ Там же. С. 14.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Солженицын А. Бодался телёнок с дубом. С. 75.
- ²⁰ Гуцин Ю., Мусихина А. Указ. соч.
- ²¹ Степанов А. Указ. соч. С. 127.
- ²² Там же. С. 127–128.
- ²³ Там же. С. 128.
- ²⁴ Там же.

нюю форму» русского самосознания, воплощённого в слове.
Ключевые слова: А. И. Солженицын, А. И. Иванов, Б. В. Шергин, праведное слово, синтез литературного, народного и церковно-славянского языков.

«Righteous Word» of Boris Shergin

S. V. Kekova, R. R. Izmailov

In the article the authors analyze specific features of the diary style of B. V. Shergin, who managed to preserve the seamless synthesis of live folk, literary and Church Slavonic languages that allows to identify the true 'inner form' of the Russian self-recognition embedded in the word.

Key words: A. I. Solzhenitsyn, A. I. Ivanov, B. V. Shergin, righteous word, synthesis of the literary, folk and Church Slavonic languages.

В «Объяснении» к своему «Русскому словарю языкового расширения» Александр Исаевич Солженицын писал: «Лучший способ обогащения языка – это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств»¹. Вдохновлял писателя прежде всего «Словарь живого великорусского языка» Владимира Даля. В своих произведениях, как художественных, так и публицистических, Александр Исаевич пытался осуществлять на практике чаемое им «языковое расширение». Сама мысль писателя об оскудении современного языка, утрате огромного пласта лексики, бездумном заимствовании чужеземных слов и словечек, коверкающих родную речь, важна, актуальна, насущна сегодня как никогда. Советский «новояз» выхолащивал «великий и могучий», вытравляя тысячелетнюю языковую память поколений, делая из него «языковой придаток» марксистско-ленинской пропагандистской системы, нуждающейся только в стандартных клише и штампах. Недаром одним из первых деяний большевистской власти была реформа языка. По этому поводу в статье «Наш язык» Вячеслав Иванов с праведным гневом восклицал: «Что же мы видим ныне, в эти дни буйственной слепоты, одержимости и беспамятства? Язык наш свят: его кощунственно оскверняют богомерзким бесивом – неимоверными, бессмысленными, безликими словообразованиями, почти лишь звучаниями, стоящими на границе членораздельной речи, понятными только как переключки сообщников, как разинское «сарынь на кичку». Язык наш богат: уже давно хотят его обеднить, свести к насущному, полезному, механически-целесообразному; уже давно его забывают и растеривают – и на добрую половину позабыли и порастеряли. Язык наш свободен: его оскопляют и укрощают; чужеземною муштрой ломают его природную осанку, уродуют поступь. Величав и ширококрыл язык наш: как старательно подстригают ему крылья, как шарахаются в сторону от каждого вольного взмаха его памятливых крыл!»²

С тех пор «экология» русского языка не улучшилась, а скорее, наоборот, ухудшилась. Но подлинный русский язык выжил, не канул в небытие. Он сохранён праведниками и подвижниками русского языка.

Александр Исаевич говорил, что не стоит село без праведника. Это действительно так. Но

и город не стоит без праведника, и страна без него не стоит. Их немного, но хватает десяти, по слову Священного Писания, чтобы не истребился город³. Благодаря таким праведникам и устояла Россия на своём фундаменте, не разметали её злые ветры XX столетия, не смыли с лица земли мутные потоки летеиских вод, несущие беспамятство и небытие.

То же самое касается и родного языка, родной речи. Сохранялся чистый родник живого великорусского языка. Были праведники языка, которые не только сохраняли, но и приумножали сокровища русского слова, добывали алмазы родной речи и преображали их в бриллианты литературного слова. Таким хранителем и творцом русского праведного слова был старший современник А. И. Солженицына Борис Викторович Шергин.

Масштаб личности и дарования писателя открылся во всей полноте после того, как были опубликованы его дневники, сначала частично, фрагментарно, а затем полностью (или почти полностью) в 2009 г. отдельной книгой, хотя о полноте говорить ещё рано, так как работа над архивом ещё продолжается. Книга озаглавлена «Праведное солнце»⁴ – это образ из «былины-автобиографии», который относится к матери писателя и ведёт выше, к библейско-церковной символике. Этот дневник, дневник духовный, – удивительное творение сокровенного человеческого сердца: одновременно перед нами исповедь, проповедь и высокое богословие – богословие творения, красоты богозданной и любви. Дневники Шергина должны быть прочитаны и впитаны каждым, кому дорога русская культура и русское слово.

Живым народным словом дышат сокровенные строки дневниковых записей Шергина. Оно светится буквально в каждой записи.

«Во вторник братец срядился в Хотьков, насчёт картошки. И ждал я его непременно в тот же вечер. <...> Так у нас на веку не бывало, и я перепугался до полусмерти. Ночь-ту отгоревал, на рассвете выполз к воротам: тошно дома сидеть. Да так до сутемёнок, уцепясь за калитку, и мёр, ждамши. Домик-от наш на перекрёстке, я так и ел слепыми-то гляделками переулки, тот, да другой, да третий... Домой забежу, взвою, полотенце в рот запихав, чтоб соседи не слышали, да опять метаться к воротам. Случись что в Хотькове, думаю, дали бы знать... Знать, под машину попал... или по дороге сгрибчили... И уж суморок падает... Заодевался бежать на вокзал... А он и стучит в оконце... Час я не мог успокоиться. Сграбился за брателкины ножонки... опять свет увидел, дыханье, жизнь воротилась. Выпугался я, что брателко потерялся... Лишь минутами Богати помнил, завоплю сквозь зубы: Господи-де, поспеши же, Господи, помози же! А Бог-от и не без милости» (219).

Удивительно органично «выпеваётся» народное слово. Чувствуется, что оно не заёмное, свое, естественное. Речь дневниковых записей

меньше всего рассчитана на литературный эффект. Конечно, не без оглядки на потенциального читателя делал записи Шергин, но «оглядка» лежит для него не в пространстве литературных приёмов, стилей и стилизаций, а в сфере смыслов. «...Говор, говор, северный говор. Мысль живая, живая душа дороже всякого говора», – говорил Б. Шергин⁵. Обратим внимание на характерную деталь в приведённом примере. В конце записи сквозь народное слово прорывается церковнославянизм: «Господи, помози». Не причитание, не тревога, а молитвенный вопль становится проводником этого языкового пласта. При обращении к Богу, Богородице, святым Шергин с естественной непосредственностью переходит с народного, просторечного, диалектного на высокий стиль церковнославянского. А при описании красот родного Севера, Подмосковья, монашеских обителей Шергин органично сочетает церковнославянский язык с литературным: «Сегодня с Двинской земли струится тихий, но настойчивый свет. Антоний Сийский – одна из звёзд Севера. Он как северное сияние в ночи. Но и сюда достигает свет его святости. . . Там, на далёком Севере, четырёхста лет назад затеплилась эта свеча неугасимая. Сегодня там праздник. Разорена обитель, но жив Господь, жива святыня, ныне силы небесные тамо невидимо служат. Нет людей, но горят свечи праздничные, озаряя снега и дремучие ели, и скыванные во льдах реки и озёра. Антоний Сийский, благодатный луч северного сияния. Сегодня в день его блаженного успения стремится на Север душа моя, хочет слушать тихость безмолвия ночи. Вот я вижу двинскую Землю в зимнем сне, великие реки, беспредельные леса и озеро, и остров, и как ковчег драгоценный – обитель Антониева. Род сей, в смраде срамно ликующий, не видит света святых. Но тем, кто взыскует онога света, сияет имя Антония Сийского, любо его житие и эти леса, и реки, освящённые его пребыванием, его чудесами» (64).

В дневниковых записях мы часто встречаем цитаты из Священного Писания, из церковных служб, акафистов, молитв. Все они органично вплетаются в ткань размышлений писателя, соединяясь с народным и литературным пластами языка. Шергин, можно сказать, как древнерусский книжник, проверяет свои мысли, чувства, слова высшим словом, идущим от Писания и Церкви. Церковнославянский язык является для него своего рода «правилом веры», «правилом мысли» и «правилом слова». Устоят ли другие слова рядом со священным языком? Те, что устоят, достойны напечатления. Эти слова проходят как бы крещение в животворных водах церковнославянского языка. Так, в дневниковой записи, сделанной 26 августа 1945 г., Шергин, рассуждая о молодости и старости, пишет о себе в модусе «слова народного» (об этом свидетельствуют и лексика, и синтаксис): «Я вот *тепериче* *которое* сижу, а *которое* лежу, и телешко моё, это вот *костьё*,

мышцы меня, сознание моё не борет: что мне в падали этой. . .» (317). Характерно, что народный колорит проявляется в размышлениях Шергина о своей больной, немощной плоти (Ср. также начало записи: «Я к тому вчера начал, что вот ною всё, тужу, что-де ослаб, отяжелел (может, это и есть остарел?))), но когда писатель говорит о духе, появляется слово церковнославянское. «Я, чуть головой обмогнусь, лечу крылато, *скоропоспешно ово* на Севере на родину милую, *ово* на Радонеж. *Соглядаю*, как Савватий с Германом в карбас, плыть на Соловки садятся, иду по Троицкой дороге: странники проходят: вон золотобородый, не “он” ли? Не сам ли игумен Радонежский? <...> Высший смысл и истинный, насущный и животворящий разум *соглядать* в вещах и явлениях любо мне» (317). Характерно, что в первой части дневниковой записи Шергин употребляет союзное слово «которое» в значении разделительного союза «либо», а во второй мы видим параллелизм синтаксической конструкции с синонимичным союзом «ово», церковнославянским по происхождению.

Под пером Шергина осуществляется то, о чём писал в уже упомянутой статье Вячеслав Иванов: «Велик и прекрасен дар, уготованный Провидением народу нашему в его языке. Достойны удивления богатство этого языка, его гибкость, величавость, благозвучие, его звуковая и ритмическая пластика, его прямая, многоместительная, меткая, мощная краткость и художественная выразительность, его свобода в сочетании и расположении слов, его многострунность в ладе и строе речи, отражающей неуловимые оттенки душевности. <...> Но всего этого мало! Язык, стяжавший столь благодатный удел при самом рождении, был вторично облагодатствован в своем младенчестве таинственным крещением в животворящих струях языка церковно-славянского. Они частично претворили его плоть и духотворно преобразили его душу, его «внутреннюю форму». И вот, он уже не просто дар Божий нам, но как бы дар Божий сугубо и вдвойне, – преисполненный и приумноженный»⁶. Именно такой язык и встречаем мы в дневниках Бориса Шергина.

Для Шергина ни народная диалектная речь, ни церковнославянский язык не являются «музеем». Это живой язык, который творится здесь и сейчас. Язык, как явление духа, вообще не подчиняется законам времени. Он подобен святым, о которых много пишет и размышляет Шергин в своих дневниках: «Я вот толкую: “древние” святые да “новые”. Ближе-де новые. А в народной вере вопроса о древности или современности того или другого святого не существует. На скунах в море кого грызут? многих грызут, а Николу первого. Не плесневеет этот хлеб Церкви. Цвет сей не теряет благоухания. <...> Жизнь святителя Николая на Руси – разительный пример тому, что счисление веков – IV, V... XX – важно только для учебников. А в церкви “древность” и современность сливаются»

ся» (61–62). «Нету “древнего” и “нового” в вере Христовой. Вечно юнеет церковь Христова и всё, что в ней и от неё» (59). Наш литературный язык именно от церкви Христовой и берёт своё начало, от её словесного источника. Не случайно великий лингвист XX в. Николай Трубецкой дал такое определение: «Современный русский литературный язык есть русифицированная и модернизированная форма церковно-славянского языка»⁷. Этим источником и доселе питается наш язык, а оскудевать начинает, когда отходим от источника, т. е. Церкви. Только не язык оскудевает, а наша речь. Пустословен и злоречив становится наш обыденный язык, если мы забываем или отвергаем горный источник словесного существования. Как человек есть образ и подобие Божие, так и слово человеческое есть образ Слова Неизреченного. И как грех искажает в нас этот образ, так и слово наше извращается и испоганивается нашим повреждённым естеством и несёт в мир не «благую весть», а духовную мерзость и языковой смрад. Для Шергина это очевиднейшая вещь, о которой он и свидетельствует в своих записях: «... “Творца видимым и невидимым”. Век сей и мир сей ниже краем уха слышать хотят о существовании мира невидимого. Между тем он и в нас, округ нас. Например, Флоренский учил, что слово – это организм, как бы семя. Говорящий оплодотворяет слушающего-то. В слушающем слово начинает жить. И это отнюдь не аллегория. Это акт таинственной биологии. Разум церкви Христовой знает эту тайну. Учение церкви о Втором лице Святыя Троицы открывает беспредельные глубины сущности слова как Логоса, а соотносительно (дерзну так выразиться) с им первым, вечным Словом, по образу Слова – существа Божественного, живёт и слово, изнашиваемое от разума и сердца человека. Конечно, здесь существует великая разница. Бог Слово есть вечное Добро, творческое Благо, Любовь по существу. Человеческое слово есть также чудо, но оно может исходить и от Зла. И тогда оно породит в воспринимающем недоброе бытие» (484–485).

Органичный синтез литературного, народного и церковнославянского языков являет нам дневник Б. Шергина. Но надо сказать, что это не тот синтез, который осуществил родоначальник современного русского литературного языка. Пушкин осуществил слияние трёх «штилей», сделал словесный сплав. Слово же Шергина скорее продолжает ломоносовскую традицию. Его синтез осуществлён по основополагающему бытийному принципу «нераздельно и неслиянно». Автор одного из лучших исследований творчества писателя Е. Галимова в книге «Земля и небо Бориса Шергина» пишет: «На протяжении веков на Руси языковое различие между бытовым, земным, материальным, с одной стороны, и возвышенно-духовным, небесным – с другой, складывалось постепенно, естественно и закономерно... Языку бытовому, разговорному, а тем

более просторечному всегда соответствовала и бытовая, обыденная, сниженная сфера применения. Образно говоря, если церковнославянский язык был горным языком, то русский разговорный, просторечный – дольным. Эта иерархия отразилась и на всём укладе русской жизни, и на самом смысле её. И Шергин, так ценивший мудрую иерархичность мироустройства, всегда относился и к языковой иерархии бережно и почтительно. В дневнике писателя за 1953 год есть такая запись: “Северный человек, почитая церковь “земным небом”, считает, что здесь всё должно быть не такое, как в сем мире. И глаза и ухо должны видеть и слышать “пренебесное”, надмирное, высокое”⁸.

Церковнославянский язык «кенотически» нисходит в речь народную, смиренно становится рядом с народной этимологией, синтаксическими оборотами. Ярко это проявляется в духовной народной поэзии. Шергинские записи часто строятся по законам, созданным такой поэзией, хотя текст его и прозаический: «Он, свет-псалмопевец, прадедко Христов, рано вставал, до зорь запоёт, правнука-то своего предвечного предчувствует, радуется, говорит ему: Утренюет дух мой ко храму святому Твоему. Се тьма и рано... А царские гусли уж звенят: царь Давид воскладает своя вещая персты на живые струны. Они же сами князем славу рокотаху, старому Ярославу, вещему Мстиславу, сиречь Ветхому вельми Отцу, и Христу, отмстившему сатане за человека» (211). Да и проза ли это, если здесь и народная поэзия, и стихи псалма, и строки «Слова о полку Игореве»? И всё звучит единым, соборным аккордом без малейшей фальши.

В своём «кенозисе» церковнославянский язык, становясь частью речи народной (повторим, нераздельно и неслиянно), как бы вспоминает свой древнейший первоисточник. Священное Писание изначально было изустным, т. е. было оно Священным Откровением, но ещё не Писанием. Это касается Ветхого Завета. Но и проповедь Самого Иисуса Христа была устной, Он ничего не писал. Сам язык Его проповеди вообще не имел письменной формы. Арамейский язык – это разговорный язык Иудеи того времени. Можно сказать, что язык пророков и Господа Иисуса Христа – это живая народная речь. Церковнославянский язык через греческий, а тот в свою очередь через арамейский и древнееврейский несёт в себе родовую память. Этот язык, в силу своей боговдохновенности и богооткровенности став голосом Русской православной церкви не гнушается живого народного языка. Входя в него, он небо опускает на землю и землю поднимает в небеса. Из этого «духовного брака» появляются удивительные словесные плоды, которыми щедро делится с нами Б. Шергин. Достойными бы нам быть этого дара. Сохранить бы его и приумножить.

«...Люблю слушать шестопсалмы. В строфах тех всегда, что тебе в данную минуту на-

добно, найдёшь. И от последнего отчаяния вопль Давыдов так ко времени и к месту всегда придётся. Кардиолог, скажем, мира сего установит, в чём твоё нездоровье, порошки пропишет, микстуру... Группу тебе дадут инвалидну... У Господа Жизнодавца, у живых, у сынов света не так. На них, на “бедных Макаров шишки пуще всего валятся”. Они, бедные, Давыдовыми устами и вопят Богу: “слякохся (скорчился) изнемогах, уж не плачу, а “рыкаю” от скорби... аду жизнь приблизилась, дыханье исчезло... сердце смятется, <...> от всех я брошен; доколе будешь воротить Лице свое от меня? Над мёртвым надо мной хочешь, видно, чудеса творить... Уж до последнего отчаянья видно, что доведён человек, с Богом эдак-то судится, к Богу кричит... И вот эти речи иные великие речи покрывают. Величайшие словеса веры, надеяния и любви к Богу. В шестопсалмии сын с Отцом бранится. Сын-от обидится, высчитывает, кидает обиды Отцу... А Отец молчит: наревится-де, наругается, бедной, вспомнит и добро Отцово... И действительно, откатится у блудного-то сына обида, опомнится, кинется к Отцу-то “Батюшка, прости!” И обнимутся, и заплачут оба... Шестопсалмие – вопль двух любящих. Тварь наскакивает на Создавшего, вопит на него: “до чего де меня довёл...” И тут же, подряд с бранью, унимается и воркует... Это: Отец-от в объятья схватил поскорее горькое своё дитище, в “объятья Отча”... Хорошо, любо у такого тятеньки в охапке пребывать! Сей наш, мой и твой тятенька, иже прибежище бысть нам в род и род. Мы его рода-фамилии. А фамилия Отцу-то: Вечный, Всеблагий, Всеведущий, Всеправедный, Всемогущий, Вездесущий, Неизменяемый, Вседовольный, Всеблаженный. Хвалим Тя, благословим Тя, славословим Тя, благодарим Тя за славу Твою, за сияние Твое, за слово Отчее... Ты, Отец Вседержитель, не сниде на землю, но послал сияние Твое. Свет Твой тихий с нами до скончания века» (315).

Творческое наследие Бориса Шергина – это Китеж-град, который вновь вышел из волн и ещё ждёт своего исследователя, но главное – читателя. Автор биографического очерка А. В. Грунтовский писал: «Среди всех своих ровесников поэтов серебряного века Шергин, быть может, самый русский, традиционный и, как истинному поэту и должно, – не понятый доселе. Но уж пора... Шергину-прозаику, автору рассказов и былей повезло больше. Шергину-мыслителю – и вовсе была не судьба...»⁹ Может, уже судьба?

Примечания

- ¹ *Солженицын А.* Русский словарь языкового расширения. М., 2000. С. 3.
- ² *Иванов А.* Наш язык // Иванов А. Родное и Вселенское. М., 1994. С. 398.
- ³ «И сказал Господь : вопль Содомский и Гоморрский, велик он, и грех их, тяжел он весьма ; сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю. И обратились мужи оттуда и пошли в Содом ; Авраам же еще стоял пред лицом Господа. И подошел Авраам и сказал : неужели Ты погубишь праведного с нечестивым? может быть, есть в этом городе пятьдесят праведников? неужели Ты погубишь, и не пощадишь места сего ради пятидесяти праведников, в нем? не может быть, чтобы Ты поступил так, чтобы Ты погубил праведного с нечестивым, чтобы то же было с праведником, что с нечестивым ; не может быть от Тебя! Судия всей земли поступит ли неправосудно? Господь сказал : если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу все место сие. Авраам сказал в ответ : вот, я решился говорить Владыке, я, прах и пепел : может быть, до пятидесяти праведников не достанет пяти, неужели за недостатком пяти Ты истребишь весь город? Он сказал : не истреблю, если найду там сорок пять. Авраам продолжал говорить с Ним и сказал : может быть, найдется там сорок? Он сказал: не сделаю того и ради сорока. И сказал Авраам: да не прогневается Владыка, что я буду говорить : может быть, найдется там тридцать? Он сказал: не сделаю, если найдется там тридцать. Авраам сказал : вот, я решился говорить Владыке : может быть, найдется там двадцать? Он сказал : не истреблю ради двадцати. Авраам сказал : да не прогневается Владыка, что я скажу еще однажды : может быть, найдется там десять? Он сказал : не истреблю ради десяти» (Бытие 18:20-32).
- ⁴ *Шергин Б.* Праведное солнце. Дневники разных лет. СПб., 2009. Все цитаты Б. Шергина даются по этому изданию с указанием в скобках номера страницы.
- ⁵ *Коваль Ю.* Веселье сердечное (Воспоминания о Б. В. Шергине) // Коваль Ю. Опасайтесь лысых и усатых. М., 1993. С. 268–297.
- ⁶ *Иванов А.* Наш язык. С. 396.
- ⁷ *Трубецкой Н.* Общеславянский элемент в русской культуре. Цит. по: *Жеравлёв В.* Русский язык и русский характер. М., 2002. С. 9.
- ⁸ *Галимова Е.* Земля и небо Бориса Шергина. Архангельск, 2007. С. 102.
- ⁹ *Грунтовский А.* Праведное солнце. (Биографический очерк) // Шергин Б. Праведное солнце. СПб., 2009. С. 26.